

ДЫМ ОТЕЧЕСТВА НЕ СЛАДОК

КИРИЛЛ РЕШЕТНИКОВ

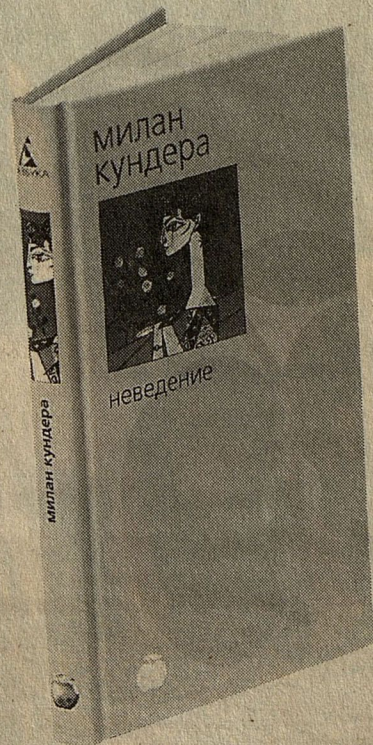
Каждое произведение Милана Кундеры становится событием хотя бы потому, что писатель уже давно обрел статус живого классика. Но недавно переведенный роман «Неведение» стоит отметить независимо от этого. Едва ли не лучшая книга Кундеры — простая, печальная и очень емкая сага о парадоксах эмигрантской судьбы.

С течением времени стиль Милана Кундеры и вообще его подход к созданию романа меняется мало. Автор «Невыносимой легкости бытия» как будто бы нашел идеальную формулу построения прозаического произведения и теперь может только закреплять свои позиции. Из значительных перемен можно назвать лишь одну: в определенный момент писатель перешел с чешского на французский. На французском написано и «Неведение», которое представляет собой, кажется, квинтэссенцию кундеровского письма, или, если угодно, «идеального Кундеру». Спокойствие и умеренность во всем, которые порой — по принципу контраста — только способствуют эмоциональному воздействию. Типичная эссеистическая модель перехода от всеобщего к частному: развивающимся на наших глазах событиям может отводиться роль иллюстрации или подтверждения авторской мысли, сформулированной отдельно. Если не легкость бытия, то уж по крайней мере легкость чтения. Здесь нет места какому бы то ни было эксперименту, чреватому нарушением этих принципов. Все как нельзя лучше соответствует писательскому кредо Кундеры, явленному в его эссе «Искусство романа» и «Нарушенные завещания» (на русский переведено пока только второе из них): ро-

ман как вольное исследование, как синтез личного и объективного, как торжество рациональной формы (не путать с формализмом). По-своему истолкованный традиционный модернистский роман — родина и среда обитания Кундеры, за пределами которой для него, похоже, литературы и не существует. Но даже тот, кому такой выбор категорически не близок, вынужден будет признать хотя бы одно достоинство «Неведения» — ясность и лаконизм, при которых мысль и чувство выражаются предельно внятно и исчерпывающе, так что и вопросов-то, в общем, никаких не остается. И это едва ли не самое главное. Метод создания романной реальности и прорисовка героев остались прежними. Никуда не делись и всегдашние лейтмотивы (ностальгия, соотношение исторических периодов, индивидуальное преломление политической данности). И все же нас ждет неожиданность: книга оставляет отчетливое ощущение новизны. Откуда оно берется? Ответ прост: это роман о конце эпохи. Кундера начинает книгу со стержневых понятий возвращения и ностальгии. Почти вся минувшая жизнь героев — выходцев из Чехии, живущих во Франции и Дании, — прошла в тот период, когда это действие и это чувство имели смысл. Правда, лишь условный, поскольку

в действительности Ирена и ее старый знакомый Йозеф, покинувшие родину, порой признавались себе в отсутствии ностальгии и с недоверием смотрели на перспективу возвращения. Но все же в их сознании сохранился многозначительный образ рубежа, за которым ждет прежняя — или новая? — жизнь на родине. И вот после краха социализма возвращение состоялось — и стало ясно, что смысла оно не имеет. Не только потому, что герои сжились с чужбиной и не чувствуют себя своими в родной стране, но и потому, что рубеж исчез. Чехия в принципе перестала восприниматься по-прежнему, ибо она могла быть таковой только в прежних условиях. Теперь даже помыслить ее в качестве земли обетованной нельзя. И уже действительно не важно, где жить. Вместо великого возвращения наступила пора великого уравнивания и великого отчуждения. Не только от страны, но и друг от друга, о чем красноречиво и печально свидетельствует расставание Ирены и Йозефа. Они не испытали счастья Одиссея, вернувшегося на Итаку, и не сумели воссоединиться в Праге, проведя вместе меньше одного дня. Эта сумрачная история дополнена несколькими линиями и эссеистическими вставками, без которых Кундера не был бы Кундерой. На его небольшом холсте уживаются такие несхожие штрихи, как почти трагическая история брошенной Йозефом давней возлюбленной, рассуждение о Пенелопе и Калипсо и невымышленная история об исландском поэте Хадльгримсоне. Но неизменно узнаваемый авторский голос, иногда запросто говорящий с нами от первого лица, выступает залогом безупречного единства.

«Неведение»
Милана Кундеры

Милан Кундера. Неведение/ Перевод с фр. Н. Шульгиной. — СПб.: Азбука-классика, 2004. — 192 с.

Кундера Милан

27.12.04

224